ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ СИБИРИ.

ПОРАЖЕНІЕ СКОПИЩЪ САМОЗВАНЦА ПОДЪ ТРОИЦКОМЪ 21-го МАЯ 1774 Г.

Пугачевское броженіе, какъ извѣстно, охватило нетолько весь Оренбургско-яицкій край и восточное поволжье, но и Пермскій, Уральскій и всю западную часть нынѣшней Тобольской губерніи. Взволнованное обѣщаніемъ разнаго рода льготъ западно-сибирское крестьянство, одновременно съ таковымъ же по ту сторону Уральскаго хребта, объявило себя сторонникомъ самозванца. Какъ и въ юго-восточной части Европейской Россіи, сибирскіе крестьяне отказались отъ повиновенія законнымъ властямъ и всякое малѣйшее, казавшееся имъ обременительнымъ, требованіе со стороны послѣднихъ, встрѣчали вооруженнымъ сопротивленіемъ, переходившимъ зачастую въ варварскую расправу съ нелюбимымъ начальствомъ и его сторонниками. Подъ знаменемъ миѳическаго Петра III-го въ Сибири творились дѣла, мало чѣмъ уступавшія тѣмъ, что происходили въ то-же время на Волгѣ, Камѣ, Уфѣ и Яикѣ.

Волновались западно-сибирскіе башкиры, челябинскіе и верхъ-яицкіе казаки, подзаводскіе, екатеринбургскіе, шадринскіе, ирбитскіе, ялуторовскіе, курганскіе и проч. крестьяне. Предводимые частью яицкими и оренбургскими или исецкими казаками (Бѣлобородовъ, Грязновъ, Перфильевъ, Михайловскихъ), а частью своими же односельчанами (Ражевъ, Ерусланов), бунтовщики даже открыто перешли въ наступленіе на мѣстныя гарнизонныя войска, заперевъ ихъ въ Челябѣ, Далматовѣ, Екатеринбургѣ, Троицкѣ, Верхъ-Уральскѣ и многихъ другихъ Оренбургскихъ линейныхъ крѣпостцахъ. Не остались чуждыми движенію и степные кочевники—киргизы (особенно оренбургскіе), усилившіе свои набѣги на приграничныя наши поселенія и грабежъ скота у мирныхъ жителей.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ на западно-сибирскихъ линіяхъ о томъ, что происходитъ на Яикѣ и подъ Оренбургомъ, послѣ обложенія послѣдняго скопищами Пугачева, какъ немедленно же отданъ былъ приказъ слѣдовать всѣмъ расположеннымъ здѣсь легкимъ полевымъ командамъ съ причисленными къ нимъ казацкими командами, на помощь Оренбургу. Изъ Петропавловска и Омска двинулись 14-я и 10-я легкія команды съ казаками, подъ начальствомъ генерала Станиславскаго. Изъ Ямышева 11-я команда, Устькаменогорска—12-я и Кузнецка—13-я съ частью тамошнихъ линейныхъ казаковъ; всѣ подъ общимъ предводительствомъ тогдашняго начальника сибирскихъ линій, генералъ-поручика Де-Колонга. Одновременно съ этимъ, въ цѣляхъ охраны оставшейся безъ полевыхъ войскъ границы, отъ непріязненныхъ дѣйствій и прорыва со стороны Аблайхановой средней орды, большая часть имѣвшихся еще на линіяхъ казаковъ была передвинута къ наиболѣе опаснымъ пунктамъ Ишимско-Тобольской линіи—къ крѣпостямъ: Св. Петра, Становой, Прѣсновской, Кабаньей и Прѣсногорьковской. Многимъ изъ вызванныхъ, такимъ образомъ, изъ своихъ форпостовъ и редутовъ линейнымъ сибирскимъ казакамъ пришлось передвинуться отъ мѣстъ постояннаго ихъ жительства за тысячу и болѣе верстъ. Вошедшимъ же въ составъ легкихъ полевыхъ командъ и еще того далѣе. Такъ, напримѣръ, казакамъ 13-й полевой команды пришлось пройдти только до Омска 1600 верстъ, да отъ Омска до Оренбургской линіи 594 версты и еще далѣе отъ Звѣриноголовской внутрь Оренбургско-Челябинскаго края болѣе 800 верстъ; всего же около 3 хъ тысячъ верстъ, не считая частныхъ набѣговъ и поисковъ то въ ту, то въ другую сторону, составившихъ въ сложности, вѣроятно, еще не менѣе двухъ—трехъ тысячъ верстъ. 12-я команда сдѣлала маршъ болѣе 2-хъ тысячъ верстъ; 11-я команда—до 1700 верстъ; 10-я—до 1200 верстъ. Сколько же онѣ прошли и сдѣлали верстъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій съ Пугачевымъ и его сообщниками, то конечно не поддается никакому разсчету. По выраженію генералъ-поручика Де-Колонга, на долю нашихъ казаковъ при этомъ выпала „самая трудная должность по употребленію во всѣ нужныя надъ бунтовщиками поиски“.

Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на описаніи множества болѣе или менѣе крупныхъ дѣлъ съ бунтовщиками, гдѣ нашимъ казакамъ пришлось выказать энергію, отвагу, неутомимость и вѣрность долгу, помянемъ только о наиболѣе крупныхъ и выдающихся изъ нихъ, каковыми были между прочими дѣла подъ Екатеринбургомъ, Челябою, Далматовымъ монастыремъ, Пуховой слободой (близь города Кургана), гдѣ въ дѣлѣ участвовало около пяти тысячъ мятежниковъ, окопавшихся большими снѣжными валами; особенно же 9-го марта 1774 года подъ деревнею Уксянкою (близь г. Шадринска) съ 7-ю тысячами

N 21

разнаго башкирскаго и крестьянскаго сброда, вооруженнаго, помимо всякаго рода ручнаго оружія, захваченнаго бунтовщиками изъ разграбленныхъ арсеналовъ, съ 31-й пушкою. Все это—оружіе и пушки – досталось въ руки побѣдителей, гнавшихся за мятежниками десятки верстъ, утопая по лошадиное брюхо въ еле пролазныхъ сугробахъ снѣга, разрыхленнаго шедшимъ наканунѣ дождемъ. Болѣе тысячи труповъ башкирскаго и всякаго инаго сброда усѣяли поле битвы, наводя паническій страхъ на бѣглецовъ, бросавшихъ на пути все въ разное время награбленное ими добро.

Побоище подъ Уксянкою имѣло столь сильное дѣйствіе на мятежниковъ, что пламя бунта, охватывавшее уже было Ирбитскій, Ялуторовскій и Тюменскій уѣзды, быстро затихло и партіи бунтовщиковъ одна за другою стали являться въ лагерь Де-Колонга подъ Шадринскомъ съ повинною головою. Посланныя вслѣдъ за симъ въ разныя стороны легкія партіи драгунъ и казаковъ окончательно довершили дѣло подавленія возстанія въ этой части Сибири. Къ концу апрѣля Де-Колонгъ уже настолько чувствовалъ себя обезпеченнымъ съ этой стороны, что, собравши всѣ свои наличныя силы, могъ совершенно свободно, безъ опасенія за свой тылъ и спокойствіе собственно сибирскихъ провинцій, двинуться сначала въ Челябу (которая послѣ перваго разбитія имъ здѣсь бунтовщиковъ вновь была занята послѣдними), а затѣмъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сторону Сибири двигается самъ Пугачевъ съ многими тысячами сторонниковъ, то и къ нему на встрѣчу, по направленію къ Верхъ-Яицкой крѣпости. Сдѣлавъ нѣсколько весьма удачныхъ поисковъ на пути, Де-Колонгъ быстро достигъ Верхъ-Яицкой и, разузнавъ о направленіи пути, которымъ слѣдовалъ злодѣй, стремительно кинулся по его слѣдамъ. Въ свою очередь Пугачевъ, узнавъ о приближеніи Де-Колонга, ускорилъ и свое движеніе; но опасаясь открытаго боя съ благоустроенными войсками, разными болѣе или менѣе запутанными движеніями отъ одной разрушаемой имъ крѣпостцы къ другой, попытался предварительно замести слѣды своего движенія, но, какъ оказалось, безуспѣшно. Не смотря на полное раззореніе пройденныхъ самозванцемъ селеній и уничтоженіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ еще въ нихъ хлѣбныхъ и сѣнныхъ запасовъ, равно какъ и порчу дорогъ и переправъ, Де-Колонгъ рано утромъ 21-го мая 1774 года настигъ Пугачева подъ городомъ Троицкомъ и прямо, не отдыхая послѣ 60-ти верстнаго усиленнаго перехода, напалъ на его лагерь, состоявшій изъ 10-ти тысячъ его сподвижниковъ при 28-ми пушкахъ. Впередъ, подъ начальствомъ маіора Жоловова и подполковника Гагрина, кинулась вся наша конница, при чемъ натискъ ея былъ такъ силенъ и быстръ, что Пугачевъ не успѣлъ еще опомниться, какъ наши смѣльчаки были уже почти въ центрѣ всего лагеря. Торопливо выскочивъ изъ своей палатки, самозванецъ принялъ командованіе. Бой закипѣлъ во всѣхъ концахъ, но не надолго: казаки наши и драгуны поспѣвали повсюду, рубя растерявшихся пугачевцевъ направо и налѣво. Послѣ самыхъ энергичныхъ, но тщетныхъ стараній поправить дѣло, Пугачевъ вынужденъ былъ по слѣдамъ массы своихъ сподвижниковъ пуститься бѣжать. Ретивые конники наши преслѣдовали его по пятамъ. Особенно отличились при этомъ прапорщикъ Беницкій, командовавшій казаками 10-й легкой полевой команды (Омской) и драгунскій прапорщикъ Борисовъ, которые (особенно первый) съ своими казаками находились уже всего въ 15-ти шагахъ отъ самого Пугачева, готовясь—вотъ-вотъ захватить его живьемъ или ссадить пикою съ коня, какъ тотъ, быстро перескочивъ на свѣже-подставленную ему яицкими казаками лошадь, оставилъ за собою далеко нашихъ омичей на ихъ въ конецъ измученныхъ неотступнымъ преслѣдованіемъ лошадей. Тѣмъ не менѣе, вся армія Пугачева разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ массу плѣнныхъ, отбитыхъ гарнизонныхъ солдатъ, всѣ пушки съ снарядами, 5 значковъ, принадлежавшихъ яицкимъ казакамъ и башкирамъ, 3 знамени „прочей сволочи“ (какъ выразился Де-Колонгъ въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ) и до 4-хъ тысячъ тѣлъ, покрывшихъ пространство болѣе чѣмъ на четыре версты. Дѣло было безпощадное....

Пугачевъ бѣжалъ неизвѣстно куда и, не смотря на преслѣдованіе его шедшимъ на встрѣчу Михельсономъ и другими, пойманъ не былъ. Поднятое имъ за тѣмъ движеніе на Камѣ и Волгѣ подъ Казанью, Пензой, Саратовомъ и др. городами надолго еще затянуло борьбу съ нимъ. Но въ Сибири и по восточную сторону Уральскихъ горъ, послѣ пораженія подъ Троицкомъ, онъ уже болѣе не появлялся; не возобновляло борьбы и населеніе волновавшихся до того мѣстностей. Все смирилось и затихло.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ Троицкій бой въ моментъ преслѣдованія самозванца Беницкимъ съ казаками 10-й Омской полевой команды.

(См. *Дубровинъ*.—Пугачевъ и его сообщники. 1884 г. 1-й и 2-й томы. Дѣло Московскаго архива Главнаго Штаба о Пугачевскомъ бунтѣ).

Дозволено цензурою. 1891. Омскъ, Тип. Окр. Штаба.